

Preprint series of the economic department 008/2022

Леонид Григорьев

«Петр Первый – Царь догоняющего развития»

Российская норма: «Умри, но сделай!»

Абстракт

Деятельность Петра Первого по масштабным реформам в практическом плане началась вместе с войной, совпала по времени с войной и в ряде ключевых вопросов определялась необходимостью ведения войны, вооружения и снабжения армии, перестройки управления. Начавшись с умеренной цели открытия «окна в Европу», после 1714 года административные реформы стали более широкими и комплексными. Но к этому моменту критически важные шаги по отходу от «боярского» управления, созданию армии на современной основе и развитию промышленности на базе крепостного права были уже сделаны. Логика реформ детерминировалась не только стремлением в Европу и не телеологией создания империи. Речь идет о прагматической необходимости использовать окно возможностей для выхода из «кольцевой колеи» обширной лесной державы, сжатой тремя имперскими (независимо от титулов) соседями иных вероисповеданий - Турцией, Польшей и Швецией. У всех трех относительно России были цели в рамках собственных политических, экономических и территориальных интересов. Ход и потребности Северной войны в большой степени определили характер реформ, а успех войны привел к формированию империи. Результаты реформ и войны дали стране шанс на развитие, хотя масштабный переход в эти сжатые сроки и в условиях войны к более зрелым европейским социально-экономическим институтам не осуществился и не мог быть реализован.

Оглавление

<i>№1. Россия между Иваном III и Петром I - два века «кольцевой колеи»</i>	<i>2</i>
<i>№2. Культурные коды населения России на XVII-XVIII века – беглый взгляд.....</i>	<i>111</i>
<i>№3. Спонтанный запуск проекта «Война и Реформы»</i>	<i>14</i>
<i>№4. Наблюдаемые сдвиги и средства их достижения.....</i>	<i>16</i>
<i>№ 5. Итоги двадцати лет войны и новые структурные альтернативы</i>	<i>24</i>
<i>Выводы и соображения.....</i>	<i>30</i>
<i>Список литературы / References</i>	<i>33</i>

№1. Россия между Иваном III и Петром I - два века «кольцевой колеи»

Принципиально важно охарактеризовать стартовую точку российского выхода на европейскую, а далее и на мировую арену из лесов и рек Русской равнины. Эпоха Ивана III с его выходом России из-под монгольского ига, женитьбой на византийской принцессе Софье и идеей Третьего Рима (после трагедии падения Константинополя) представляется рациональным исходным пунктом. При всем почтении к Великому князю Московскому государство у него было большое по площади и населению (в пределах Центрального и Северо-Западного федеральных округов России). Оно было преимущественно лесное (кроме Владимиро-Суздальского ополья), а городов, промышленности и ремесел в его пределах имелось весьма немного. Врагов же у него было более чем достаточно: наследники Золотой Орды, Крымское ханство на юго-востоке, Польша с Литвой на западе и Швеция на северо-западе. Турецкая империя широкими шагами продвигалась в Европу через Балканы; Польша пыталась консолидироваться «от моря до моря».

Территория была меньше и беднее, чем при Ярославе Мудром. Важная проблема была и долго оставалась: у Московии не было металлов – ни хорошего железа, ни меди, ни серебра, которые появились только с освоением Урала. Подчинение Великого Новгорода Москве укрепило централизацию ресурсов, но скорее обеднило разнообразие страны. При всем уважении к трудам народа, князей, великих иконописцев за два века до Петра не удалось обрести мир на границах, поднять благосостояние и культуру и наладить дороги, как, впрочем, и в предыдущие пол тысячелетия.

Историческая память у княжеской, церковной элиты и их окружения о «добатыевых» временах давала мало утешения. Происходили постоянные стычки на западных границах, раз в столетие появлялись новые переселенческие племена из Азии

– на южных и восточных. Походы варяжских князей Руси на Константинополь, Хазар, Балканы происходили еще до Крещения Руси, эта слава и доходы были в далеком прошлом. Низкая интенсивность международных сообщений после перекрытия кочевниками пути «из варяг в греки», потом уход викингов на контроль территорий в Западную Европу, ослабление и падение Византийской империи еще больше изолировали Русь на восточной окраине Европы.

Для себя отметим, что менталитет этого тонкого слоя элиты: княжеских семей, дворов, дружин, священников и монахов, наверное, купцов, – формировался за период в семи - восьми веков борьбы со степью (в течение пяти веков еще до Батые), варяжской военной культуры, православия и византийского влияния – примеры императорского правления были перед глазами. Эта удивительная смесь, возможно, дала уникальную амальгаму гордости, фанатизма, фатализма со сдвигом весов этих трех ингредиентов сверху вниз в обществе в пользу упрямства и фатализма.

Давление католической Европы на северо-западе удалось отбить князю Александру Невскому и князю Довмонту (он же Св. Тимофей Псковский) во второй половине XIII века, Литве (плюс соперничество Ордена с Польшей и т.п.) и племени язычников пруссов, практически погибшему от «цивилизованных соседей». За эти века удалось сохранить православную веру и собственное управление (ограниченный суверенитет), в особенности благодаря Александру Невскому. И российская элита, и общество стремятся сберечь сохранившиеся от тех времен элементы культуры, менталитета, или же обобщенно социально-культурные коды. Ослабление Орды, конкуренция с ней Крыма и Куликовская битва дали постепенно некоторое облегчение. Государство в общем умело драться в отдельных сражениях, но оно не было в состоянии обеспечить устойчивую безопасность своих границ и рост благосостояния населения ни в менеджериальном, ни в технологическом плане. За века жители приобрели привычку переносить тяготы, воевать без больших перерывов, нести тяжелые потери, выдерживать оборону при малых шансах на выживание. Это потом нашло отражение в образе «удивительного русского солдата» как части культурных кодов или, по крайней мере, легенды.

Стоило Ивану III попытаться открыть окно в Европу, как последовали эмбарго 1490-х годов со стороны Польши, Швеции и Ганзы: «С 1495 г. был запрещен ввоз меди, свинца, чугуна и проволоки из всех ливонских городов, а в 1498 к запрещенным товарам добавились пушки, кольчуги, латы, селитра...»(Хорошкевич, 1980. С. 38). А с 1559 г. пошла переписка вполне в стиле 20-21 веков: «Шведский король Густав I Ваза и польский король и великий князь литовский Сигизмунд I Август обратились за

помощью к папе римскому, английской королеве Елизавете и другим европейским государствам, настаивая на прекращении торговли в Нарве, поскольку, по словам польского короля, московский государь ... ежедневно усиливается по мере большого подвоза к Нарве разных предметов, так как оттуда ему доставляются не только товары, но и оружие, доселе ему неизвестное, и мастера и художники: благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих государей.» (Зимин, 1982. С. 29)

После завоевания при Иване IV порта Нарва (находился под контролем Русского государства в 1558–1581 годах) торговля пошла, но попытки удержать порт провалились по причинам как внутренним (репрессии при Иване Грозном, опричное разорение), так и внешним. Война на два фронта чуть не кончилась катастрофой в 1571–72 годах в связи с атакой со стороны Крымского ханства. Земец Воротынский с опричником князем Хворостининым в битве при Молодах победили несмотря ни на что, а то страна и до Смуты не дотянула бы. Постоянные войны на границах, разрушение селений и крепостей, увод народа в полон в XV–XVII веках (как и ранее) подрывали воспроизводство и населения, и благосостояния. Трудно поработать с числами и описать эту экономику, но можно согласиться, что помимо строительства монастырей, храмов и укреплений мы не видим создания более устойчивой дорожной инфраструктуры, развития широких ремесел (кроме Пушечного двора). У страны не было ни спокойных границ, ни устойчивой армии, ни широкой торговли на старте программы Ивана III на момент освобождения от Орды. Она включала в себя попытку прорыва к портам на Балтике, оборонительные усилия и союзы на южных границах, что реализовалось два века спустя при Петре Первом.

В.О. Ключевский очень ясно объяснил (1956. Т. II, С. 211), как ежегодно примерно 65 тысяч вооруженных мужей обороняли южные границы (в общем недалеко от Москвы – по реке Оке) с апреля до сентября. Отметим, что эти вынужденные выходы на фронт происходили каждый год и отвлекали лучших людей на войну: «В продолжение XVI в. из года в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах.» (Ключевский, 1956. ,т. II, С. 214) Мы полагаем, что аналогичные действия властей по охране южных границ Руси – Московского княжества и царства протекали и до, и после указанного периода.

В историях о Средневековой Европе нам очень нравятся рыцарские турниры, кодексы чести, рыцарские романы и служение дамам. Но нас в этом отношении интересует баланс времени военного класса – у них было время на культурное развитие между войнами. Российское дворянство (с боевыми холопами и мужиками) преимущественно воевало, зимовало, снова воевало, защищало города и опять отправлялось на границу как минимум раз в несколько лет. Между 1492 и 1595 годами войны заняли 50 лет (Ключевский, 1956, т. II, С. 208). В.О. Ключевский пишет о XVI веке, но вряд ли ситуация была сильно иной (для культурного и хозяйственного развития) до или после XVI века.

Трудно себе представить, что мог бы сказать Ангус Мэддисон о среднем темпе прироста ВВП за 1500 – 1700 гг., думается, что в пределах 1%. Страны Центральной и Западной Европы в эти три века воевали между собой, пытались ограничить экспансию Турции, но все же развивались и завоевывали заморские колонии. Как Европейские, так и особенно «Соседские» Империи пытались – сознательно или инстинктивно – решать свои социально-экономические проблемы на путях внешней экспансии, в том числе за счет москвитов. График 1 показывает, от какой линии роста Западной Европы отставала Россия, но и указывает, что разрыв в XVII-XVIII веках еще был относительно невелик – можно было до какой-то степени закрыть импортом технологий.

GDP per capita 1000 – 2000, international \$, log.scale

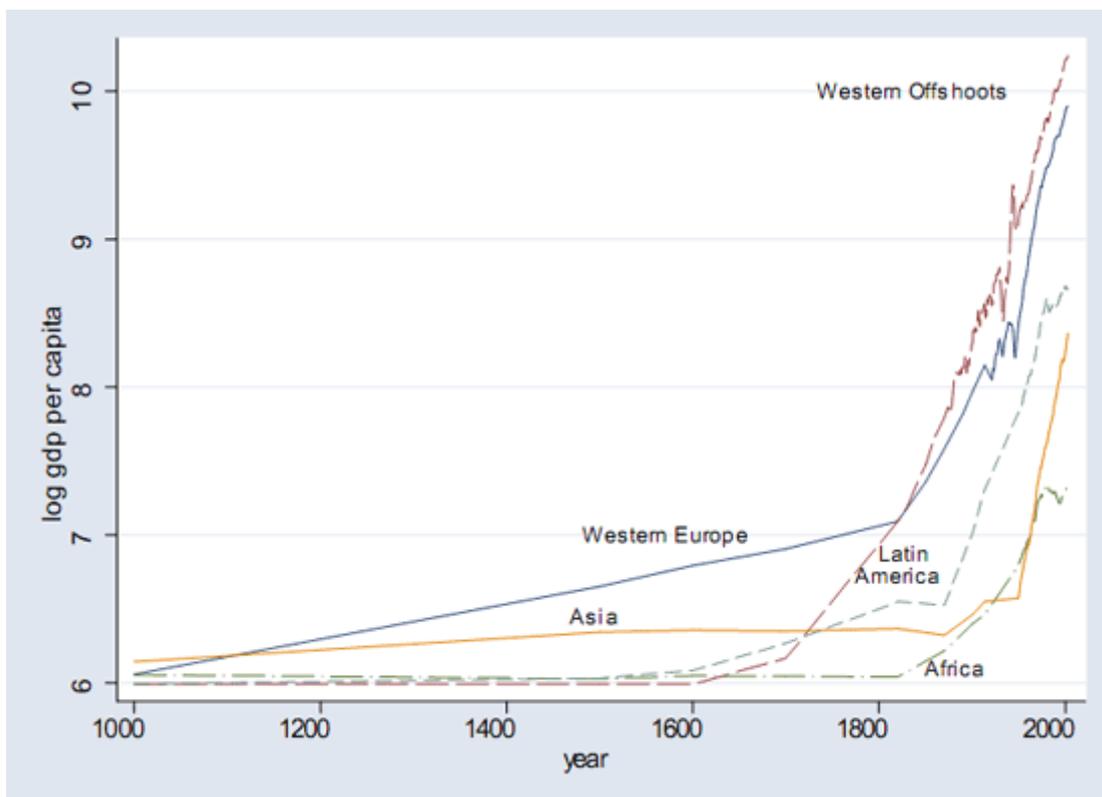

График 1 – темпы роста 1000 – 2000, от Мэддисона...

Источник: Acemoglu D. (2009) Introduction to Modern Economic Growth. New Jersey: Princeton University Press. P. 19.

Нация формировалась и жила в ситуации, когда война, а не мир была нормой жизни государства, селений и семей. Стойкость, надежность, терпение и готовность умереть культивировались жизнью – наши нормы написаны кровью трагических событий истории, легендами и песнями о них. Так со времен хазар за тысячу лет и сформировались стойкий русский солдат и героический командир, воевода Шеин (прославившийся при обороне Смоленска в 1609–1611 годах), петровские командиры, генералиссимус Суворов, хотя неровный состав командующих офицеров, оборачивался нередкими поражениями.

Изнурительная постоянная оборона границ вела к тяжелым потерям населения, жизни и времени талантливых людей, труда и материальных активов. В современных терминах это означает постоянные высокие военные расходы, издержки на восстановление разрушенных городов, выкуп пленных. Этот образ жизни формировал огромное терпение, фатализм и самопожертвование, упорство в перенесении тягот. Условий, ресурсов и времени для «самовыражения», неторопливого развития права и свобод – на языке социально-культурных кодов – было крайне мало. Отсюда характерные элементы национального характера в поговорках: «Сам погибай, а товарища выручай!» и «Умри, но сделай!» Если искать художественную форму передачи и фиксации кодов, то это: «Слово о Полку Игореве» и «Задонщина», призывы Сергия Радонежского, Козьмы Минина и Авраамия Палицына, «Бородино» Михаила Лермонтова, «Полтава» Александра Пушкина, «Тарас Бульба» Николая Гоголя, вся литература о помощи сербам и болгарам.

Коренные особенности (недостатки) расселения и географии Московского княжества к концу XV века во многом оставались теми же, что достались в 1696 году Петру Первому. Разумеется, взятие Казани и Астрахани открыло дороги на Восток, торговля очень оживилась. Но Опричнина, провал в Ливонской войне, циклические смены побед и поражений с Польшей, жуткая разруха времен Смуты именно в центре страны (с польским гарнизоном в Кремле) во многом нивелировали приобретения и вложения. А Тридцатилетняя война и внутренние нестроения в Польше, особенно демонстративное и упорное давление католицизма на православных и попытки подавления казацкого мира, ослабили Речь Посполитую и раскололи Украину, отдав

Москве левобережную ее часть с Киевом в 1654 г. на Переяславской раде. Относительно успешное «стабилизирующее» царствование царя Алексея Тишайшего при нелегком положении основной массы населения сопровождалось рядом поражений в войнах, Соляным и Медным бунтами, восстанием Степана Разина.

Прежде чем перейти к структурным альтернативам Петра Первого на старте царствования предлагаем использовать для характеристики двух предшествующих веков термин «кольцевая колея». Под ней мы понимаем не просто «колею» зависимости от прошлого развития, что к данной эпохе вполне применимо. Кольцевая колея – это ловушка не только по направлению и воспроизводству характеристик развития, но и по «устойчивому» медленному вращению в предыдущих параметрах, без заметного прироста в развитии. Кольцевая колея России XVI-XVII веков – зависимость от предыдущего развития, да еще и в повторяющемся режиме, со следующими свойствами:

- a. Она была негативно устойчива, включала огромное отвлечение ресурсов на охрану границ и отражение набегов с юга и востока, нападений на пограничные города с севера и запада, борьбу за возврат городов; сил на мир в борьбе с тремя сильными соседями не хватало – или только на борьбу за «свои города и земли» и «царское достоинство»;
- b. Ресурсы уходили на внутренние распри, хотя были перемены в управлении. Инерционное управление и интриги бояр, нестабильное престолонаследие, сохранение полупрофессиональной армии в формате семейных стрельцов обуславливали значительное замедление социально-политического прогресса;
- c. Экспорт через посредников при эмбарго на импорт металлов (окольные пути и посреднические ренты) создавали столь большие потери, что их трудно оценить;
- d. В современных терминах норма накопления была низкой, инфраструктура отставала, из «простого воспроизводства» выйти было трудно.

К воцарению Петра Первого мы видим не столь много научно-технического прогресса, хотя книги печатали и пушечный двор работал. Разрыв в развитии в XVII-XVIII веках еще был относительно невелик – его можно было до какой-то степени закрыть импортом технологий, но мешали войны. Петру пришлось ставить заново «профессиональное и дополнительное» образования в современных терминах.

История России перед приходом Петра Первого – это жизнь нации между тремя империями: Шведской – на подъеме, Польской¹ и Османской – в начале упадка (в отношении последней это подчеркивает провал осады Вены в 1684 г.). Россия прижата к Северу и Сибири, но там развивались добыча пушнины и торговый транзит с иными странами, пока еще в отсутствие знаменитой много позднее добычи минеральных ресурсов. В 1619 – 1689 годах происходило постепенное восстановление экономики на фоне Тридцатилетней войны в Европе, внутренних политических конфликтов (помимо внешних) в Польше. Если бы не проблемы со здоровьем в династии Романовых, то все так и шло бы в государстве – малыми шагами вроде отмены местничества. Примером может служить некоторое оживление ситуации перед и во время правления царевны Софьи с боярином Василием Голицыным. Нет никаких оснований надеяться на радикальное изменение ситуации к лучшему при брате Иване. Это мы тешим себя хорошим образованием Софьи и Голицына – это было домашнее образование. Были интересные идеи, но не масштабные действия и прогресс в государстве на базе расширяющегося образования! Ретроспективно мы видим невысокие урожаи (с учетом факторов почвы и климата), большие военные расходы на границе до Батыев, а потом до Ивана III сосуществование бремени двух рент (Орде и князю) на плечах работоспособного населения, потом снова войны до Петра.

Ситуация на Западе несколько менялась к концу XVII века, создав несколько неожиданно «окно возможностей». Идея большой коалиции против турок принесла т. н. «Вечный мир» с Польшей 1686 г., который вернул Смоленск России². Но после Переяславской Рады 1654 года были поражения на Западе и два поражения Голицына в Крыму. Так что после 200 лет после Ивана III мы видим скорее провал его программы на Балтике, тупик в Крыму, переменные успехи в военных конфликтах с Речью Посполитой.

У юного Петра при сложившемся режиме не было бы никаких перспектив как у правителя, кроме как продолжения движения в кольцевой колее по прежнему циклу. Образование будущего императора в селе Преображенском и в Немецкой слободе включало много вольностей, которых было не дано принцам крови во всей Европе. Но в нем не было места Адаму Смиту по естественным причинам (он родился в 1723 г.),

¹ Конечно, Речь Посполита не называла себя империей, хотя по нашему мнению контроль больших пространств и групп населения с другими языками и религиями был более жестким, чем в иной империи.

² Не ратифицирован Польшей до 1711 года.

так что трудно было надеяться, что удаленный от царского двора царевич станет либералом в экономических науках.

В стране оставалась низкой норма накопления – шел инерционный экономический рост за счет увеличения народонаселения, экстенсивного наращивания ресурсов. Медленное движение на Урал, в Сибирь и далее на восток давало торговые доходы. Ни о какой империи речь не велась. Стартовая объективная задача Северной войны была в сущности очень скромная: получать технологии без эмбарго у соседей и снимать грабительскую ренту с экспорта на перевалках в Прибалтике.

Шведская империя стала угрозой позже Польской и Османской, но зато действовала более организованно и жестко, обладая собственной черной и цветной металлургией и не имея внутренних раздоров вроде польского «либерум вето». Соседние империи действовали по отношению к России в режиме игры с нулевой суммой. Исключение составляет эпизод попытки включения российских ресурсов в борьбу с Турцией при Царевне Софье и при Великом Посольстве Петра³. Так что вся история того времени, если взглянуть из России, – это борьба трех империй (с конкурирующими религиями) друг против друга и четвертого претендента – России – со своей религией. Теперь это можно назвать «превентивным сдерживанием опасного соседа», что, конечно, не делало этого соседа ручным.

Российское государство к 1682 – 1700 годам вышло из катастрофических последствий Смуты с точки зрения внутренней организации, сохранило границы, но потеряло время для развития – еще один век. В правление Софьи удалось стабилизировать внешнюю ситуацию с Польшей, подписав «Вечный мир» 1686 года. Но поражения В. Голицына на Перекопе свели ситуацию к патовой. Усиление Швеции в Европе ослабило Польшу и поставило Швецию в традиционный конфликт с Англией.

Но строго говоря, Россия выглядит обреченной на жизнь на периферии Европы. Вряд ли есть сомнения, что национальные историки имеют тенденцию рассматривать попытку выйти из неудобной колеи соседями как нарушение стабильности, ревизионизм и агрессию, тогда как аналогичные действия «своей стороны» чаще трактуются как защита традиций, вынужденная оборона и благородное поведение – исторических «зацепок» всегда хватает на все варианты. Значительная часть жизни военного класса страны проходит на фронтире, и это влияет на социокультурные коды. И военные ориентиры эпохи Петра «до Полтавы» связаны с этим. Мы исходим из того, что огромная масса аграрного населения имела мировосприятие, определявшееся

³ Нечто вроде этого наблюдалось перед Первой мировой войной – франко-бельгийские технологии и капиталы шли в Россию для подготовки войны с Германией.

удаленностью поселений, тяжелой жизнью и информацией от православных священников. Это уже после Полтавы и формирования империи русский солдат оказался втянутым в европейские дела, как все остальные солдаты народов Европы того времени (хорошо хоть не в Тридцатилетней войне).

Структурные альтернативы Петра Первого по состоянию на 1700 год можно представить следующим образом:

А. Царствовать по старине: Русское государство сохраняет позиции между тремя империями, власть Патриарха и положение бояр, продолжаются «циклические» войны по границам.

Б. Начать со структурных реформ на 20 лет: преобразования Думы и приказов (действующих со времен Ивана IV); формирования дворянства; расширения конкуренции у купечества и ремесленников; введения земского самоуправления и постепенного отхода от крепостничества (как в 1860-х). При этом альтернативы разового общего освобождения крестьянства нет – это подорвало бы материальную базу дворянства как военного класса. То есть это потребовало бы мира на поколения.

В. Реализовывать программу Ивана III рывком: руководствоваться концепцией Третьего Рима; пробить «окно в Европу» (через Османскую и/или Шведскую империю) для снижения потерь при экспорте и преодоления эмбарго на импорт технологий; военным путем снизить угрозы от двух империй (Османской и Польской), пробить «окно» и стабилизировать границу со Швецией.

№2. Культурные коды населения России на XVII-XVIII века – беглый взгляд

Институциональный подход к прошлому, естественно, затруднен не только ограниченностью информации о состоянии умов пять – десять веков назад. Не меньшей проблемой стало, видимо, различие взглядов на российскую историю, огромный размах между ее героизацией в трагических тонах и противоположными тенденциями подачи истории страны как вечно отсталого и неудачного процесса.

С нашей точки зрения формирование «кода» элит в нашей традиции стартовало с варяга, сменившего лодку на коня. В Западной Европе викинги освоили города и тяжелую кавалерию, а у нас – кавалерию, способную воевать с кочевниками. История Руси – это походы в Византию, борьба с хазарами и в целом противостояние со Степью с регулярными наступлениями очередной орды из Азии. Потом резкий поворот к Византии – Крещение Руси в 988 году. Далее сформировалась следующая модель: бесконечные пограничные войны со Степью (форма вооруженного сосуществования). Заметим, что защита православной веры шла по своим границам, без участия в крестовых походах, но с обороной от давления католицизма (после Схизмы 1054 г.). Среди ключевых факторов жизни страны «со времен хазар» мы полагаем вечную войну на границе со степью, означающую менталитет ожидания войны, походов, потерь, сложности создания и сохранения материального и духовного капитала, фатализм и самопожертвование на индивидуальном уровне. Оговоримся, что вынуждены в этой работе ограничиться тем реальным миром, в котором жили «господствующие классы», как сказали бы марксисты: князья, духовенство, дружины и какая-то часть купечества. Народное творчество, многие внутренние достижения: это еще и деревянное и каменное зодчество, былины и сказки, иконы и берестяные грамоты, республиканские правила Новгорода и законы Ярослава Мудрого, – мы, разумеется, почитаем. Много интересного для нас сейчас было в Москве и Великом Новгороде, но если поделить это на двести лет (XVI-XVII века), то окажется, что прогресс был невелик! Уникальная геополитическая конфигурация уводит к зрительному образу наших культурных кодов: «Три Богатыря» на границе – вместе это заняло период как минимум от Хазар, Аваров до Батыя – не как конкретный факт, а как демонстрация необходимости постоянного контроля границы.

Идея свободы в нашей традиции – это скорее «вольность». И в 1700-х годах вольность – это независимость от всякого контроля, справедливость как равенство, казачество как путь выхода из-под тягот. Немногочисленное, разбросанное по территории дворянство, боярское правление – концентрация прав в Думе, старина как

неспособность к адаптации, отсутствие вертикальных лифтов внутри старого режима – это ситуация наверху общества, означавшая феноменальную зависимость от личности царя.

Известный историк Б.Н.Миронов дает замечательную характеристику народным взглядам на общественные отношения, которая характерна во всяком случае XVIII веку, в частности зависимость, признание себя ниже барина: «В соответствии с «патриархальными понятиями» людей подчиненный считал себя «темным человеком», которого надо наставлять, и наказание считал наукой». Сказанное вовсе не означает, что народу были чужды понятие свободы, любовь и стремление к ней. Однако народные представления о свободе и об идеальном общественном устройстве расходились с тем, как понимали их государь и дворянская элита, и поэтому не сдерживали, а подталкивали самодержавие к решению социальных и политических проблем с помощью крепостничества. *Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства* и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц. Народным идеалом служилое казацкое устройство, подразумевавшее полное самоуправление, решение всех вопросов на общем сходе, выборные власть и суд, полное равенство, уравнительное распределение земли и прочей собственности между всеми. Эти идеалы ярко воплотились во время восстаний под руководством народных героев, жизнь которых кончилась казнью – С.Разина (1667 – 1671), К.Булавина (1707 – 1709), Е.Пугачева (1773 – 1775)... Подобное понимание свободы вступало в непримиримый конфликт с существующим общественным порядком... Народ это понимал: он рассматривал свободу и общественный порядок как альтернативные понятия ... Свободным может быть только разбойник – любимый народный герой.» (2003. С. 372)

Фактор открывшихся пространств на Востоке, огромного поля и казацких анклавов на Юге оставлял населению шанс «голосования ногами». Великий Ключевский видел в XIX веке причины небрежности в быту в переселенческом менталитете. Он отмечает переселенческий характер страны и просторы, а мы добавим Степь и казачество – есть куда бежать... «Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью ... производят ...впечатление временных, случайных стоянок кочевников... В этом сказались продолжительная переселенческая «бродячость» прежних времен и хронические пожары, – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке» (1956.

С. 71). Мы добавим Степь и казацкие войска вне боярского контроля – хоть далеко, но было куда бежать...

Код недоверия к будущему имел – по нашему мнению – простые основания: эксплуатация своими или грабеж чужими элементами всех видов в сочетании с войнами. В результате в состав кода входит небрежность и пренебрежительное отношение к материальному богатству, которое «не так жалко», если отнимут или сгорит... Добавим привычку к гибели, сгоранию или отъёму активов как источнику фатализма, небрежности и готовности к движению дальше, а также упрямству при попытке заставить жить так, чтобы можно было держать за горло труженика. Отсюда и «красный петух» в качестве простой доступной и радикальной формы освобождения от имущества (своего и чужого) и забот о нем. В этих условиях не может быть разговора про «расширенное воспроизводство» – удачей было бы и простое с типичными урожаями ржи в «сам-три».

Попытка приказного введения нового сложного института сталкивается с действующим культурным кодом – недоверием. Применительно к развитию торговли и промышленности «кумпанства» не пошли. «В 1699 г. Пётр Великий предписал русским купцам торговать, как торгуют в других государствах, компаниями, складывая свои капиталы. Дело по непривычке и недостатку доверия шло туго» (Ключевский, 1956, т. III, С. 27). Но был и еще фактор – время, ведь остро встала необходимость быстрого перевооружения, снабжения армии, строительства Петербурга и флота. Как выяснится позже, развитие уральской промышленности на базе крепостного права дало определенные результаты в XVIII веке, но стало частью общего торможения социального развития. Но в целом, как пишут Аузан и Никишина (2021. С. 94): «Классический пример культурных сдвигов будет о России. Это петровские реформы, смена прежнего уклада, «прорубание» окна в Европу».

Критика реформ Петра Первого в этом аспекте идет только с позиции XX-XXI веков. Продолжение вращения страны между трех империй без прямого выхода к морской торговле должно рассматриваться как неизбежная составляющая альтернативы Северной войне или проигрышу войны. И в этом случае «эволюционный» путь модернизации страны мог занять неопределенно много времени и с большими внешнеполитическими рисками и препятствиями, так что вопрос отставания должен оцениваться с учетом низкой скорости развития в «кольцевой колее». Идея перестроить культурные коды московитов, «не выходя» из кольцевой колеи, представляется мало перспективной. Петр пытался заставить население царства жить иначе, но пределы

возможной быстрой перестройки культурных кодов серьезно ограничивали его возможности, даже если бы он ставил себе такую задачу.

№3. Спонтанный запуск проекта «Война и Реформы»

Периодизация собственно эпохи Петра может выглядеть следующим образом:

- до 1698 года – взятие Азова, конфликт с Османской империей и Великое посольство (включившее поиск союза против турок);
- неудачный старт Северной войны и вынужденная оборонительная стратегия 1700-1709 гг.;
- трудная реализация военного успеха в 1710-1715 гг.;
- победа в войне и сокрушение Шведской империи в сочетании с внутренними реформами, ознаменовавшие основание своей империи, в 1715-1723 гг.

Ранний период деятельности Петра внутри страны – это утверждение своей власти и подавление оппозиции, демонстрация жесткости и монополии на насилие. Интерес Петра Первого к внешнему миру, любопытство, включение иностранцев и компании вокруг Меншикова в процесс управления обусловили некоторое накопление опыта взаимодействия с этим внешним миром. Но до 28-летнего возраста речь идет о накоплении знаний при сохранении старой внешней политики: Азовских походов во главе еще старой армии, хотя и с потешными полками и первыми кораблями.

Война со Швецией – строго говоря, это авантюра с негодными командными кадрами и старой армией, а период от 22 февраля 1700 г. до июня 1709 г., или от Нарвы до Полтавы – это оборонительная война. Петр поставил первым приоритетом «окно», чтобы наладить торговлю и трансферт технологий и ноу-хау, что указывает на выбор в пользу модернизации вместо традиционного лобового столкновения со слабеющей, но опасной Речью Посполитой.

Выход к портам Балтийского залива – это кампания осени 1713 – зимы 1714 гг. (Рига, Ревель, потом финские порты). Развитие в этот период нового города на болоте по примеру Амстердама – Санкт-Петербурга – имело как символическое значение, так и предоставляло запасной порт на случай провала войны. От Полтавской победы до Ништадского мира прошла смена целей войны, а также шаги по модернизации управления и экономики для Империи де-факто, потом де-юре. Южное направление было отложено до Екатерины Великой.

Стоит отметить несколько военно-политических катастроф вне России, которые несколько «улучшили» внешние условия. Ослабив конкурентов, они дали России время

для залечивания ран, то есть для накапливания ресурсов при низкой производительности:

- a) Тридцатилетняя война, которая дала Европе ужасное разорительное занятие с 1618 г. до Вестфальского мира;
- b) Укрепление внутренних нестроений среди знати и шляхты в Речи Посполитой, особенно «либерум вето» и давление на православие (при Сигизмунде II);
- c) Украинская Руина, Переяславская Рада и закрепление Левобережной Украины за Россией, которые означали для России стратегические приобретения с выходом к причерноморским степям;
- d) Ослабление Турции с провалом осады Вены в 1684 году значило также концентрацию европейских ресурсов на противнике с юга с надеждой втянуть Россию в масштабную войну с Турцией;
- e) 90-летняя военная гегемония Швеции в Северной, Центральной и Восточной Европе, продолжавшаяся от Густава Адольфа Ваза («Ледяной король») до Карла XII Ваза, которая также дала время России немного укрепиться.

Однако этих возможностей было недостаточно для решения проблемы безопасности: прекращения войн по западной границе страны. Нерешенные проблемы страны после минимального освоения Урала и закрепления в Сибири включали:

- a) Проблемы с престолонаследием каждые два поколения. Неустойчивость династий при множестве жен, плохом здоровье царей и наследников и плохой медицине случалась каждые полвека;
- b) Боярский контроль над государственными делами с местничеством и интригами;
- c) Высокие военные издержки, обусловленные частотой войн: войны за Крым, против Швеции и Польши, а также незабытая Смута;
- d) Большие потери ренты при экспорте через посредников и неустойчивость поставок импортных товаров через Балтику;
- e) Дворянская армия со стрельцами, которая в XVIII веке была бы гарантией прежнего чередования побед и поражений;
- f) Экспорт сырья – импорт товаров для армии и боярского, купеческого, дворянского потребления;
- g) Отсутствие массового производства металлов и, соответственно, вооружений;

- h) Слабые государственные финансы и бедность населения;
- i) Неудовлетворительная транспортная инфраструктура, внутренняя и портовая (только Архангельск).

Нужен был выход из «кольцевой колеи», то есть временной интервал, в котором при сочетании внешних относительно благоприятных факторов можно было осуществить «прорубание окна в Европу». Для России это было выгодно: эффект от «окна» дает повышение экспортных доходов за счет снятия ренты посредников. Конкуренция со стороны импортных товаров сдерживала бы внутреннее производство, но не на стартовом моменте, когда требовалось импортировать товары, которые не производились в стране или производились в недостаточном объеме. Более того, конкуренция экспортеров товаров и услуг извне давала определенные выигрыши импортеру (с элементами монополии).

№4. Наблюдаемые сдвиги и средства их достижения

Северная война шла по мере формирования армии и флота, которые надо было обеспечивать людьми, финансами, вооружениями. Первое и основное направление деятельности Петра Первого – война и армия. Мы оставляем историкам и экономистам все детали рекрутских наборов, найма иностранных офицеров и специалистов, конфискацию колоколов после потери артиллерии под Нарвой в 1700 году и формирование уральской военно-промышленной базы. Армия несла потери, плюс, как мы знаем, большие потери рекрутов были в полках (из-за болезней и плохого содержания), а также на строительстве Санкт-Петербурга и каналов.

Формирование двухсоттысячной армии означала мобилизацию полутора процентов населения в начале XVIII века, что сопоставимо с ситуацией 1900 г. (Григорьев, Морозкина, 2021. С. 55) Суммарная численность войск была огромной и явно превышала армии «мирного времени» в боярской России: «К концу царствования Петра регулярная армия насчитывала в своих рядах более 200 тысяч солдат всех родов войск и свыше 100 тысяч нерегулярной казачьей конницы и калмыцкой кавалерии. Для 13 млн. населения петровской России это было тяжёлое бремя — содержать и кормить такое многочисленное войско. По смете, составленной в 1710 году, на содержание полевой армии, гарнизонов и флота, на артиллерию и другие военные расходы шло немногим более трёх миллионов рублей, тогда как на остальные нужды казна тратила

только 800 тысяч с небольшим: войско поглощало 78% всего бюджета расходов.»⁴ «К 1724 году их насчитывалось уже 8,52 млн руб.»⁵

Деловая оценка результатов деятельности Петра со стороны британцев носит почти восторженный характер, особенно армии: «К 1710 Россия имела регулярную армию, набираемую по военной повинности среди крестьян и городских низов, первую такого рода в Европе. В 1724 она эффективно насчитывала 131,400 пехоты и 38,400 кавалерии, блестяще натренированной и экипированной... Издержки на армию составляли 4 миллиона рублей в год, что было основной статьей бюджета России.» (Britannica, 2022). Армия и флот требовали снабжения и финансирования – вряд ли нужно повторять здесь, что стране это было тяжело, а с учетом коррупции – очень тяжело. Для порядка отметим, что это выглядит большой нормой, но в Европе тоже были подобные параметры военных бюджетов (Eloranta, 2005). Гигантские военные бюджеты как основные элементы расходов стран, за исключением расходов на содержание двора, были нормой. Есть оценки для Британской империи: «...в период 1685-1813, средняя доля английского оборонного бюджета составляла 74,6 процента, никогда не опускаясь ниже 55 процентов за указанный период.

The newly-emerging nation states began to develop more centralized and productive revenue-expenditure systems, the goal of which was to enhance the state's power, especially in the absolutist era. This also reflected on the growing cost and scale of warfare: During the Thirty Years' War between 100,000 and 200,000 men fought under arms, whereas twenty years later 450,000 to 500,000 men fought on both sides in the War of the Spanish Succession. The numbers notwithstanding, the Thirty Years' War was a conflict directly comparable to the world wars in terms of destruction. For example, Charles Tilly has estimated the battle deaths to have exceeded two million. Henry Kamen, in turn, has emphasized the mass scale destruction and economic dislocation this caused in the German lands, especially to the civilian population»⁶. Несмотря на абсолютные числа Тридцатилетняя война была конфликтом напрямую сопоставимым с мировыми войнами в терминах разрушений. Например, Шарль Тилли оценил боевые потери выше двух миллионов человек» (Ibid).

Старт Северной войны был плачевным для России. Контраст между лучшей армией Европы и королем Карлом против конгломерата разнородных войск с плохим управлением был громадным. Фактически только «потешные» в своей основе полки

⁴ История России. Налоги и финансы России при Петре Великом. *Библиотекарь*. <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-12-nalogi-finansy-pri-petre-1/9.htm>

⁵ Экономические реформы Петра I Великого — развитие экономики и промышленности. *Петр I Великий*. <https://петр1.рус/реформы/экономические/>

⁶ Ibid.

выдержали пробу огнем. В дальнейшем именно они играли разнообразные роли от функций гвардии с парадными и охранными полномочиями, опоры линии армии (или резерва) на поле боя до спецназа и морского десанта. И начали они это делать это спустя десятилетие после изобретения этой потехи царевича Петра. Остается гадать, понимали ли будущий император функции потешных войск изначально только как форму развлечения, или же он и его окружение подумывали о будущей роли специальных частей. Состояние войны было «нормальным» для великих держав XVII-XVIII веков, так что российская ситуация в этом отношении выделяется главным образом переходом от оборонительных войн к активным наступательным действиям против традиционных империй.

Таблица 1 показывает, что состояние войны было «нормальным» для великих держав XVII-XVIII веков, так что российская ситуация в этом отношении выделяется главным образом переходами от оборонительных войн к активным наступательным действиям против традиционных империй.

Таблица 1.
Wars Involving the Great Powers

Century	Number of wars	Average duration of wars (years)	Proportion of years war was underway, percentage
16th	34	1.6	95
17th	29	1.7	94
18th	17	1.0	78
19th	20	0.4	40
20th	15	0.4	53

Source: Tilly C. (1990) Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Cambridge: Basil Blackwell. P. 72.

Начав с четырех добротных полков и дворянской конницы, Петр достиг уровня боеспособной армии через восемь лет – к «Лесной». И в разнородных столкновениях с частями шведской армии российские подразделения в основном уже побеждали, хотя не без помощи превосходной численности. А после Полтавы «счастье боевое светить уж начинает нам!» Армия с ее солдатами, офицерами и генералами, которая одерживает серию побед, приобретает уверенность, кураж и адекватность обстановке (важные социально-психологические коды).

Реформы государственного управления нуждались в кадрах. Гвардия превратилась в кузницу кадров, наборы постепенно становились более упорядоченным явлением, иностранные офицеры, кто выдержал и не убежал в период неурядиц. Они стали нормальными русскими офицерами и капитанами, генералами и адмиралами, которыми мы гордимся так же, как в годы борьбы с Наполеоном гордились Барклаем де Толли, Принцем Морицем Вюртембергским, генералом Толем и другими. Страны воевали растущими армиями, причем российская выглядит большой только потому, что польские и турецкие войска не учтены А.Мэдисоном (Таблица 2).

Таблица 2. Размер европейских армий, 1470–1814, (тысяч человек)

Годы	Франция	Испания	Нидерланды	Великобритания	Швеция	Россия
1630-е	150	300	50	-	45	35
1650-е	100	100	29	70	70	-
1670-е	120	70	110	15	63	130
1700-е	400	50	100	87	100	170
1812-14	600	-	-	250	-	500

Источник: Maddison A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: Development Center of the Organization for Economic Cooperation and Development. P. 81.

За подготовкой армии к борьбе с тремя империями стоит финансовая мобилизация внутренних ресурсов: заказы вооружения, обмундирования, лошадей и т.д. Параллельно шло строительство Санкт-Петербурга, которое представляло собой гигантское отвлечение ресурсов от остальной страны, долгосрочный проект, урбанистическую новацию для Руси и важнейший инженерный эксперимент. И это способ перевоспитания населения. Значительный толчок градостроительству, ремеслам, разработке ресурсов, каналам и дорогам. Был еще канал Кольбера, о котором Петр, конечно, знал...В современных терминах – после Вашингтона, Анкары, Бразилиа, Астаны – это урбанистический проект с большой военно-промышленной (строительной и военно-морской), как Нью-Йорк, Стамбул, Рио - Сан-Пауло! Петербург – первый в мире урбанистический драйвер для страны, в ущерб другим городам на поколение.

Петру не удалось на ранней стадии войны взять Нарву и Ригу, чтобы открыть традиционное «окно в Европу», а на разгром Шведской империи тогда рассчитывать было бы странно. Так что был запущен в дело «план создания Окна – Б», причем

издержки создания нового порта и столицы были огромными. Но к 1723 г. Санкт-Петербург – это уже лицо Империи! Создание «города царской мечты», «Амстердама» в устье Невы на болоте, имело стратегическое и символическое значение. Петербург – это, видимо, первая столица, созданная в новое время для изменения характера управления, обновления кадров, смещения центров роста и иных стратегических задач. И это способ перевоспитания населения, значительный толчок градостроительству, ремеслам, разработке ресурсов, каналам и дорогам. Но ремесла там уже другие – это не оборонительные стены, а каналы, дворцы, искусство, роскошь. Заодно – что немаловажно – государственная служба отрывалась от старой боярской бюрократии и их московских кадров.

Налоговая реформа дала средства, хотя тяжело досталась населению, сократив, по всей видимости, и личное потребление, и гражданское строительство по стране: с полутора миллионов рублей собранных налогов в 1680 г. до восьми с половиной в 1724 г.

Таблица 3. Оценка налоговой реформы, тыс. рублей, % бюджета.

Наименование	1680 г.	%	1701 г.	%	1724 г.	%
1. Прямые налоги						
Старые подворные	390,25	26,6	465,58	16	-	-
Новый подушный	-	-	-	-	4 614,6	54,1
Ясак	103,6	7,1	118,6	4	116,4	1,4
Итого:	493,87	33,7	584,24	20	4 731,05	55,5
2. Промысловые сборы, оброки и откупы государственных имуществ	146,1	10	130,2	4,4	474,6	5,6
3. Косвенные налоги	650,2	44,4	1 195,97	40	2 128,6	24,9
4. Регалии						
Монетная операция	40,0	-	791,7	-	216,8	-
Соляной доход	-	-	-	-	662,1	-
Почтовый доход	-	-	-	-	16,3	-
Итого:	40,0	2,7	791,7	27	895,2	10,5
5. Пошлины	33,7	2,3	118,7	4	150,1	1,8
6. Иные сборы	100,0	6,8	134,9	4,6	147,1	1,7
Всего:	1 463, 98		2 955,8		8 526,6	

Источник: Налоговая реформа Петра I. *Петр I Великий*.
<https://петр1.рус/реформы/экономические/налоговая-реформа>

Налоги собирались с трудом, частично разворовывались. Тяжело досталось купцам, которые занимались традиционной (по сути внешней) торговлей от Сибири до

Европы через Архангельск или Ригу. Они были естественным объектом налогового давления и оскудели. Одновременно богатели те элементы купечества, которые двинулись в военную промышленность, обеспечение армии и флота на госзаказах. Денежная аристократия росла на откупках. Первоначальное накопление в военных и обеспечивающих отраслях легло на бюджет, способствуя обогащению Демидовых и Строгановых. Институциональное решение оказалось под руками – это крепостная промышленность при иностранных мастерах. Аузан и Никишина отмечают (2021. С. 139): «Попытки преобразования — например, реформы Петра I — давали определенные эффекты, но в них была одна удивительная особенность. В противоположность похожим меркантилистским реформам Кольбера во Франции крепостничество используется для реформ».

Здесь мы вынуждены, при полном отсутствии у нас склонности к крепостничеству как к человеческому институту или институту развития, дать минимум три ремарки. Петром решалась проблема снабжения армии во время войны и выбор средств был невелик. Франция к периоду меркантилизма Кольбера давно рассталась с крепостным правом – простой перенос институтов был невозможен (как и в конце XX века). Потом это негативно скажется на развитии, но в тот момент концентрация ресурсов вольным наймом вряд ли сработала бы – или это предмет отдельного анализа. Важным стало самообеспечение вооружениями и снаряжением – отсюда мануфактуры, основанные на крепостных и иностранных специалистах, но дававшие товары и опыт ... Достаточно очевидно, что все это означало на определенный период перевод части ВВП из личного потребления и гражданского строительства (помимо новой столицы) в военные расходы и военную промышленность.

Таблица 4. Заводское строительство.

До 1717 г.	После 1717 г.
------------	---------------

<p>Преобладание казенного капитала. 1700 г. – 21 мануфактура. Строительство заводов за счет казны. Преобладание военной продукции. Принудительное привлечение частного капитала (строительство флота после Первого Азовского похода, создание кумпанств). Частный капитал привлекается через передачу купцам (кумпанствам) казенных заводов на льготных условиях (1702 г. – Демидовым отдан Невьянский завод. В конце XVII в. 55 заводов Демидовых давали 1/3 российского чугуна и железа). Произведено 150 тыс. пудов чугуна. Государственная монополия на производство и продажу большинства товаров.</p>	<p>1719 г. – берг-привилегия: дозволение частным лицам искать руды и открывать металлургические предприятия. Отказ государства от монополии на производство и продажу большинства товаров. 1721 г. – владельцам мануфактур дозволено приобретать крепостных (посессионные – владельческие крестьяне). Приписные (государственные) крестьяне отработывают на предприятиях подушную подать. 1725 г. – 221 мануфактура. Произведено 800 тыс. пудов чугуна. Россия занимает 3-е место в мире по объему производства металла. Преобладание частного капитала и продукции для внутреннего потребительского рынка.</p>
---	---

Источник: История России. Экономическая политика Петра 1. *История России.*
<https://istoriarusi.ru/car/economicheskaya-politica-petra-1.html>

Процесс рекрутирования солдат, выдвижения младших командиров, перераспределения кадров через гвардейские («потешные» и прочие) полки сопровождался огромной смертностью не только на поле боя, но в казармах рекрутов, на строительстве. Вел ли этот процесс к подрыву демографического воспроизводства, гибели производительного населения – это вопрос отношения к содержанию и результатам войн и реформ Петра Первого: это чрезмерно высокие издержки по сравнению с возможными при более человечном и рациональном отношении к людям. В те жестокие времена ждать человечности от монополиста на насилие хотелось бы тем, кто стремится несколько приукрасить образ Петра Великого и затенить его беспощадность к простым людям.

«Некоторые эпохи... были поистине роковыми для нас. Одной из них является эпоха Петра, "мироеда, переевшего весь мир". Поистине трудно назвать другого человека, который причинил бы такой ущерб нашему населению. Своими непрерывными войнами и весьма пышными с виду преобразованиями, из которых, однако, пользы для народной массы вышло очень мало, - он погубил весь цвет "лучшего" населения России, не менее 30% всего его мужского, работоспособного населения. Внешнее величие России он купил ценой, стоившей всей ее будущности. В последующем это и сказалось в усилении рабства, в столетнем топтании на месте культурного развития масс и во многом другом, вплоть до нашего времени».

«Все́й нашей историей, особенно при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма. Разразившаяся война в лице нас нашла прекрасно подготовленную почву для пышного культивирования своего обычного детища - военного социализма» (Сорокин, 2008. С. 106). Нам кажется несколько чрезмерной негативная трактовка Питирима Сорокина, которую мы приводим для полноты картины и из уважения к великому ученому. Что касается самой дискуссии по демографии периода царствования Петра Первого, то быстрый рост населения Империи в XVIII веке скорее свидетельствует о сохранении демографической базы, по сопоставимым переписям: в 1678 г. – это 11,2 млн. человек; 1719 г – 15,6 млн.; 1762 г – 23,2 млн. (Миронов, 2003, С. 20.)

Таблица 5. Рост населения Российской империи в XVIII — начале XX в.

Год	Все население	Население в границах России 1646 г.		Население на присоединенной территории		Плотность населения в России, человек на 1 км ²					
	млн	Млн	%	млн	%	в текущих границах	в границах 1646 г.	на присоединенной территории	Европейская Россия*	Европейская Россия**	Сибирь
1646	7	7	100	-	-	0,5	0,5	-	1,6	1,6	0
1678	11,2	9,6	85,7	1,6	14,3	0,8	0,7	5,3	1,7	1,7	0
1719	15,6	13,6	87,2	2	12,8	1,1	1	5	3,5	3,5	0
1762	23,2	18,1	78	5,1	22	1,6	1,3	-	5,2	5,2	0,1
1782	28,4	22,1	77,8	6,3	22,2	2,3	1,6	-	6,2	6,2	0,1
1796	37,4	23,8	63,6	13,6	36,4	2,7	1,7	5,4	7,5	7,5	0,1
1815	46,3	28,6	61,8	17,7	38,2	4,1	2,3	5,9	8,7	8,8	0,1
1858	74,5	40,8	54,8	33,7	45,2	5,9	2,9	8,2	12,4	12,4	0,2
1897	128,9	52	40,3	76,9	59,7	8,2	3,7	10	19,9	19,5	0,5
1914	178,4	73	40,9	105,4	59,1		5,2	13,7	29,9	26,6	0,8

* С Польшей, Финляндией, но без Северного Кавказа

** Без Польши, Финляндии и Северного Кавказа

Источник: Миронов Б.Н. (2003) Социальная история России периода Империи (XVIII-начало XX в.). Т. I. СПб.: Дмитрий Буланин. [Mironov B.N. (2003) *Social*

history of Russia in the period of the Empire (XVIII-early XX century). Vol. I. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian).]. С. 20.

Представляется важным напомнить, что в предыдущие века огромные военные потери (при поражениях), массовые угоны пленных, тяжелые длительные войны на территории Московии с разгромами городов и потерями гражданского населения должны быть учтены как ликвидированные негативные демографические факторы при анализе последствий деятельности Петра Первого.

№ 5. Итоги двадцати лет войны и новые структурные альтернативы

Начало правления Петра отличалось не столько значительным образованием и интересом во всему западному. В первый период (до 1700 года) он отличался огромной жизненной энергией, любопытством к военному делу и свободной жизни в селе Преображенском вне давления двора и бояр. К последнему его выталкивала династическая борьба и фактическое отстранение от престола (со страхом за свою жизнь) до 17 лет (т. е. до 1689 г.). Сначала надо было выжить и сформировать личный социо-психологический код – код самодержца, монополиста на насилие и человека, дающего достоверные обещания. Его он сформировал и предъявил во время стрелецких бунтов и заговоров сестры. Колебания по этому пункту были бы самоубийственны в нашем Отечестве. Природное любопытство и знакомство с Европой в 24-25 лет от роду еще не сделало из него реформатора.

Возникает ключевой вопрос: кто Петр Первый – это предприниматель по Шумпетеру, т.е. субъект, который вырывает хозяйство из рыночного оборота, переводит его в русло экономического развития и преодолевает транзакционные издержки? Тогда «окно в Европу» надо рассматривать как способ начать торговать, улучшать благосостояние. И он создал потенциальную возможность для этого. Или же Петр I – царь, который заложил основы жесткого абсолютизма и экстрактивных институтов, вступивших в российском случае в противоречие с экономическими институтами, способным привести к росту благосостояния населения в долгосрочном плане? Поскольку крепостное право – черта абсолютизма – оно существенно затрудняло создание свободного рынка, что, в свою очередь, не допускало значительную часть крестьянского населения участвовать в выдвигании идей и внедрении технологий. Он начал создание системы, в котором за XVIII век образовался страх элитарных групп перед созидательным разрушением. Как пишут Робинсон и

Аджемоглу: «В российских придворных кругах преобладал страх перед созидательным разрушением, которое могло быть порождено развитием промышленности и железных дорог. В царствование Николая I выразителем подобных настроений был граф Егор Канкрин, занимавший пост министра финансов в 1823–1844 годах. Канкрин сыграл ведущую роль в противостоянии изменениям в обществе, которые открыли бы путь к экономическому процветанию. ... Взгляды Канкрин были продиктованы страхом, что экономические изменения повлекут за собой изменения политические, и тех же воззрений придерживался и царь Николай». (Робинсон, Аджемоглу, 2015. С. 492-493) Фактически речь идет о застое времен Николая I, который действительно потерял для развития нашей страны два поколения. Но мы полагаем, что Петр I дал шанс стране, но не мог в условиях войны и не имел времени после нее реформировать социально-экономическую сферу. Этой задачи у него не было – он свои проблемы решил и несправедливо «вешать» на него ответственность за провалы последующих поколений.

В ходе петровских реформ фактор времени стал сказываться к концу его царствования – постепенно пошел подбор кадров, от генералов вниз, и за 20 лет в этот процесс включилось уже и среднее звено. Уже в 1709-14 гг. заметен рост ролей русских генералов: А.Д.Меншикова, Б.П.Шереметева, Ф.М.Апраксина, М.М.Голицына. Новые люди (в частности из «простых») в управлении страной, оказавшись среди бояр, купцов и иностранцев, во многом оказались подвержены греху коррупции. Но и «старые» воровали в связи с ростом бюджета и военных заказов, как и в Европе. «Новым деятелям» хотелось вратиться в систему аристократии.

Основной источник роста спроса в стране во время войны – государственные заказы для армии и флота – как у Бисмарка. Отсюда следует ограничение личного потребления и гражданского строительства в стране в пользу государственного и Петербурга. Структура производства и капиталовложений радикально меняется в пользу нужд армии и флота. Заметим, что технологии начала 18 века продержались довольно долго с частичными улучшениями – российские пушки весь 18 век были вполне качественными. Хватило и на Наполеона...

Россия переформатировалась в холеричную, бросающуюся во все стороны империю. Ни сам царь, ни его окружение и армейская, управляющая элита вплоть до Ништадского мира не могли быть уверены в успехе войны (что и показал Прутский поход). Но задачи все время менялись и усложнялись: новые немецкие (по населению) города в Прибалтике, уральские заводы; национальные образования на Волге и Урале; расширение состава профессиональных военных, рекрутированные иностранцы...

Состав вольных или невольных носителей преобразований формировался четверть века при жизни Петра.

По ходу дела – примерно к 1715 г. – реформы стали меняться на более систематические внутри, а внешние задачи окончательно ушли от обороны границ (с отложенной проблемой еще открытого нападениям Юга). Оборонительная патриотическая война за обеспечение мира по границам и за «окно» в Европу превращалась во внешнюю экспансию. Усилия по формированию армии после Нарвы, серия частных побед не гарантировали общего успеха, победы над лучшей армией Европы во главе с гением. Ослабление армии Карла XII в России за зиму 1708-1709 года было важным фактором поражения под Полтавой, но туда еще надо было пройти длинный путь. В какой-то мере фактор предательства Мазепы сыграл важную роль в маршруте Карла XII с армией к военной катастрофе. Карл XII прошел к своему разгрому единственным путем: непрерывная война в Польше; необязательное вторжение в Россию; потеря обоза неудачника Левенгаупта; сожженные припасы в Батурине; зимовка в 30-градусные морозы в лесу всей армией. Если бы предательства Мазепы не было – его надо было придумать.

Фактические результаты Полтавы – успех военной реформы, но в более глобальном смысле эта выигранная битва, фантастическая по значению своих последствий для истории России, Швеции и Европы (да и всего мира). Она стала доказательством успеха реформ и усилий царя и общества, фактически сданным экзаменом. И не в конце дня битвы, а только после капитуляции армии, бегства короля Карла стало ясно, что основная задача – прорубание «окна» – действительно может быть не только выполнена, но и «перевыполнена». У России же за три дня и последующие несколько лет вообще сменились политические и «географические» цели компании. Но возник другой фундаментальный вопрос национальной безопасности: в каком именно порядке воевать соседние империи? Зачем было сразу идти на Турцию в 1711? Видимо, помимо известных дипломатических факторов, нужно учесть воодушевление после большой победы, желание покончить с турецкой угрозой, освободить славян на Балканах, хотя еще не было задачи просто завоевать юг равнины с Крымом вместе. Карл XII почти сумел помочь иной империи защитить себя на Пруте от Петра Первого. Ни себе, ни Польше он помочь не смог, хотя пытался защищать (напрасно и безуспешно) владения Швеции в Германии.

По факту Карл XII прошел к своему разгрому единственным путем: непрерывная война в Польше; необязательное вторжение в Россию; потеря обоза

неудачника Левенгаупта; сожженные припасы в Батурине; зимовка в 30-градусные морозы в лесу всей армией. Карла по сути карма привела в стратегический тупик. военный гений вышел под Полтавой на битву с гением «Организации без пушек», с изможденной армией. И проиграл империю. Вечером после битвы русские не бросились за исчезающими в лесу шведами – похоже, что ждали подвоха и еще одной атаки шведского гения. Но численность знаменитой шведской пехоты упала ниже критического размера, а в ловушке «Перевалочна» сдалась главная армия. Ослабление армии Карла XII в России за зиму 1708-1709 года было важным фактором поражения под Полтавой, но туда еще надо было пройти длинный путь. В какой-то мере фактор предательства Мазепы сыграл важную роль в маршруте Карла XII с армией к военной катастрофе. Мы бы сказали: если бы Мазепы не было, его стоило придумать. И тем закончилась Шведская империя (от Густава Адольфа). Карл XII добил ситуацию авантюрой 1718 года в датской провинции Норвегии, где и был убит.

Полтава и военные шаги на Юге и в Прибалтике в 1709 – 1715 гг. меняли ситуацию в государстве. Менялись социально-психологические коды российской элиты и служивого дворянства, менялись навсегда. И путь от царства к империи уже потребовал – в 1715 – 1723 годах – гражданских реформ. «Перекодировка» шла сверху вниз, по мере и степени вовлеченности общественности групп и слоев в активную жизнь. В эти два периода внутренние реформы охватили многие области жизни, что включало копирование шведского опыта. Создание Сената, табель о рангах и обязательная служба дворян – вот система перекодировки. Петр осваивал новые территории страны и готовился стать не просто Царем Московским с большой гордыней и территорией, но опасными границами и соседями. Он уже помазанник Божий и, возможно, вспоминал Византийского Кесаря, но Константинополь пришлось отложить на будущее. Через два с половиной века после падения Константинополя Петр стал императором православной империи.

Ништадский мир 1721 года и коронация 1723 года – уже только оформление периода смены социально-культурных кодов, реформ успешных и не состоявшихся. Это означало появление новых кодов двора, знати, дворянства, армии – коды победителей империй, генералов и битв. Вместе с жизнью менялись институты: вместо дворянского ополчения – регулярная армия, а стрелецкие войска исчезли. Масштабы централизованных доходов резко выросли, вырос госаппарат и начал расти уровень образования. За 20 лет он создал империю, решил проблемы страны, как их понимали политические элиты ведущих стран в «Век Разума». Вряд ли он мог успеть за два

десятилетия войн с империями еще и гражданское общество насадить, образование и науку поднять до европейского уровня. Но ведь через сто лет многое смогли перенять и развить – а там и Пушкин пришел. Петру удалось главное: прекратить на сто лет войны на территории Руси; задействовать уральские ресурсы; построить Санкт-Петербург – первую новую столицу с таким размахом в Европе; соблазнить боярскую элиту и дворянство на строительство империи; внедрить массу способных людей в управление; провести административные реформы, которые дали расширение служивого класса через обязательность службы (новый код) вместо вызовов в походы; подтолкнуть торговлю и ремесла за счет спроса со стороны государства и дворян; привлечь технологии и учителей с Запада, что обеспечило толчок к образованию; осуществить первоначальное накопление капитала через государственные заказы (с элементами монополии) и привилегии. Экономические институты рынка получили стимул к развитию рыночного хозяйства, хотя полномасштабный поворот к нему еще не состоялся...

Перекодировка шла сверху вниз, по мере и степени вовлеченности общественности групп и слоев в активную жизнь. Надо полагать, что сельская Русь была взбудоражена рекрутскими наборами, повинностями, перемещениями масс людей, но это не перекодировка сознания, хотя большое расширение информационной базы. Интересно, как изменилось сознание семей французских солдат за годы Наполеоновских завоеваний!

В эти два периода внутренние реформы охватили многие области жизни, что включало копирование шведского опыта. Создание сената, табеля о рангах и обязательная служба дворян – вот система перекодировки. В.О. Ключевский отмечал отлынивание дворян от службы, но жалование, слава и возможность увидеть столицы и мир – тут было ради чего выйти из деревни, особенно бедной. Петр отправляет себя в еще одну командировку на Запад в 1716 – 1717 гг., что, видимо, означает завершение его образования в части общеевропейских дел для победителя. Петр осваивает новые территории страны и готовится стать не просто независимым Великим Московским князем с большой гордынею, но небогатой лесной территорией и опасными границами. Он уже помазанник Божий – возможно, он вспоминал Византийского Кесаря, но Константинополь пришлось отложить на будущее. Все же Петр собирается стать Императором в полном смысле слова: с армией не хуже шведской или австрийской (хотя лучше польской и турецкой); с портами и флотом; и с дедовой огромной территорией, заселенной упрямыми, хитрыми, но своими православными подданными.

Через два с половиной века после падения Константинополя Петр стал императором православной империи. Нетрудно представить себе, что чувствовал бы Иван Третий, знай он об этом. И мы знаем, что его неизбежный комментарий был бы: «Все-таки надо бы и Константинополь!»

В конце Северной войны, как за ними водится, англичане (но далеко не в последний раз) меняют фронт и вместо борьбы со шведами, как со всяким опасным гегемоном. Под конец Северной войны осознание новых возможностей Петра на Балтике носило радикальный характер, но одновременно Великобритания и Нидерланды попытались помочь Швеции (как им советовал Карл Маркс), но не успели. К.Маркс писал: «Но разве сам факт, что превращение Московии в Россию осуществилось путем ее преобразования из полуазиатской континентальной страны в главенствующую морскую державу на Балтийском море, не приводит нас к выводу, что Англия - величайшая морская держава того времени, расположенная к тому же у самого входа в Балтийское море, начиная с середины XVII в. сохранявшая здесь роль верховного арбитра, должна быть причастна к этой великой перемене? Разве Англия не должна была служить главной опорой или главной помехой планам Петра Великого и не должна была оказать решающее влияние на события во время затяжной борьбы не на жизнь, а на смерть между Швецией и Россией? Если мы не находим, что она прилагала все силы для спасения Швеции, то разве мы не можем быть уверены, что она использовала все доступные ей средства для содействия москвиту? И тем не менее в том, что обычно именуется историей, Англия почти не появляется как участник этой великой драмы и выступает скорее в роли зрителя, чем действующего лица. Но подлинная история покажет, что правители Англии не менее способствовали осуществлению планов Петра I и его преемников, чем ханы Золотой Орды - осуществлению замыслов Ивана III и его предшественников.» (К.Маркс, 1989. С. 45)

Позволим себе редкий в России комментарий – думаем, что Карл Маркс был неправ. Британцы всегда выступали против ведущей силы в Европе – Карла XII, возможно, даже участвовали в заговоре по его устранению (стиль не меняется). Британия получила отступное от шведского правительства преемников короля Карла 12-го (два города в Ганновере) и сменила стороны в «большой игре» того времени. В результате мощная эскадра Норриса в 1720-21 гг. демонстративно заблокировало русскую парусную эскадру в Ревеле. Однако она не смогла помешать русской армии в 26 тысяч человек на 300 гребных судах совершить рейд на побережье Швеции с целью принуждения к подписанию мирного договора, что сработало (с учетом разгрома

черной и цветной металлургии) (Беспалов, 2022. С. 387-392). Пользы от английской помощи было немного, но гибель Карла XII, проникшегося наконец уважением к Петру Первому, помешала им сговориться против континентальных двурушников.

Образовался рынок «крепостных компаний» при заметной монополии государства. А приспособление крепостного права в промышленности стало технократическим институтом мобилизации экономических ресурсов, но тормозом развития в будущем. В истории так бывает – Декларация независимости США не отменила рабство - из текущих политических соображений, что сказывается до сих пор.

Самоуправство вотчинников сохранилось, а уделы трансформировались в губернии, боярин получил строку в таблице о рангах и по совместительству стал коррупционером. Тяготы строительства Петербурга и войн были огромны, но способы решения проблем изменились. Всем стало тяжело, но иначе, чем было тяжело в два века вращения в кольцевой колее. Это тянулось век до Наполеона, переносится элитой вновь и вновь... За 20 лет он создал империю, решил проблемы страны, как их понимали политические элиты ведущих стран в «Век Разума». Вряд ли он мог успеть за два десятилетия войн с империями еще и гражданское общество насадить, образование и науку поднять до европейского уровня. Но ведь через сто лет многое смогли перенять и развить – а там и А.С. Пушкин пришел.

Петру не удалось многое: создать устойчивую систему престолонаследия; новую аристократию с ориентацией на модернизацию ближе к Европе, а не только на развитие империи... Он не смог прикрыть южные границы (Крым и степь); а огромные людские потери и финансовые издержки означали, что продолжение модернизации осталось «неустойчивым»; не удалось быстро восстановить и развить купечество. Крепостное право стало средством мобилизации экономики, и роль его затянулась, к сожалению, надолго, как и коррупция новых людей во власти, что стало следствием быстрого приобретения этого кода.

Выводы и соображения

Историческое окно возможностей может появиться, но нужно его узнать и использовать – «поймать» момент. Из окружения трех империй вырваться можно при полном напряжении сил. Противники делают ошибки, но неизвестно какие, где и когда – искусство угадать для лидера, видимо, важнее чисто полководческих талантов.

Империи создаются харизматическими лидерами и авантюристами, потом приходят бюрократы и аристократы и осваивают бенефиции. Структурные альтернативы Петра Первого на момент коронации его императором представляются следующими:

А. Назначить прогрессивного наследника, реорганизовать Сенат, образовать Палату Купцов с правом обсуждать бюджет, начать массовое образование, свободу торговли, начать освобождать крестьян ... и далее следовать по списку прогресса (примерно как во время реформ 1861-го года).

Б. Замкнуться на идее Третьего Рима и двинуть армии на Константинополь вместе с Европой или без нее, чтобы победить все соседние империи сразу.

В. Создав империю, дать ей созреть самой, добывая две соседние империи (при временной ничьей с третьей). Учитывая усталость от преобразований, сытость элит и нехватку кадров, неясность «образа будущего» (копирование других империй?), в этом случае предстояло ждать 40 лет, пока Екатерина Великая не вернулась к стратегическому планированию.

Эволюционный путь движения к Европе путем постепенного накопления цивилизации без «окна» в оную Европу и при продолжении постоянных войн на границах с тремя империями был практически нереален – этой структурной альтернативы не было. Упреки Петру Первому на сей счет можно считать за «маниловщину»: мол, сидят на мосту мужики в лавках и конкурируют между собой качеством товаров в честной торговле – а бояре, по мосту гуляючи, прячут в руках шуб невидимые руки Адама Смита.

Старту идей Василия Голицына по освобождению крестьян помешало два «отсутствия»: поддержки элиты и побед в Крыму. Но при радикальной трансформации, ведь реформа 1861 года была довольно продуманной (Васильев, 2021. С. 20), непонятно было бы, как перестроить одновременно систему собственности, налоговую систему, обеспечение призыва дворян в армию и т.п. в 1700 году. Бедная страна должна была бы содержать армию в процессе ликвидации дворянского владения крестьянами. Самодержавие могло не выдержать такого эксперимента над своим военным классом во время войны – Смута была всем памятна.

Ускорить трансформацию за двадцать лет правления Петра Первого так, чтобы оно вышло на буржуазный путь развития, наперстив два-три «потерянных века», это ретро-мечта. Рассчитать такой путь не удалось и в конце 20 века, так что спрашивать это с Правителя начала 18 века – это альтернативы не было, кроме как оставаться в лесу и по крохам накапливать цивилизацию. Исходный набор социокультурных кодов у

населения в России был крайне далек от того, что вывел бы на устойчивое развитие эволюционным путем. Скорее коды (вроде мечты о «вольности») были тогда большой проблемой для реформ, чем подспорьем. Команду надо готовить заранее, хотя бы потешную, а в остальном приходится импровизировать – и для этого крайне важны вертикальные лифты.

Поражения учат инновациям и гибкости, а большие перспективы меняют людей, которые не мечтали стать маршалами в стране, в которой командовали родовитые бояре, но не было маршалов! Тяжелый кризис – 20 лет войны – перекодировал активных участников истории, но по-разному: элиты, дворян и служивый класс подвергаются этому процессу намного интенсивнее, чем сельское население.

Победы не гарантируют долгосрочные выигрыши! Сокрушив Шведскую империю, вложившись в сокрушение Польской империи, проиграв битву Османской империи, Россия вышла в трудный период адаптации к новым ролям и временам. Петр Первый решил проблему выхода из «кольцевой колеи», но фундаментальные экономические реформы берут время. Характер институтов собственности и рынка на старте определяют будущее надолго. И социокультурные коды при Петре Первом изменились от боярской стагнации к имперской активности, но еще не к инновациям в духе режима открытого доступа по Д. Норт⁷. Ответственность за последующее развитие на него целиком не возложишь – он дал шанс, потомки распорядились им не слишком удачно.

Социально-экономические преобразования петровской эпохи решали главную задачу – победу в войне. Но они создали промышленность на базе крепостного права, расширили служивые слои и новую аристократию из старых бояр, новых «назначенцев» и аристократии откупов. Но это реалии эпохи. Они создали военно-промышленный комплекс, достаточный для борьбы с соседними империями. Петровская модернизация имела ограниченную стартовую целевую установку, «перевыполнила» ее и закрепила «не самые прогрессивные» институты собственности, которые потом трудно было изменить.

Царь Петр Первый настолько знаменит Полтавой, Петербургом и империей, что трудно оценивать его деятельность в рамках современных скучных концепций: догоняющее, устойчивое или неустойчивое развитие, институты развития, легитимизация наследия и т. п. Поэтому мы пошли другим путем: что объективно

⁷ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

стояло на повестке дня России к 1700 году и каковы были структурные альтернативы. Общество прошло гигантскую трансформацию, и Россия стала сама империей со всеми вытекающими из этого последствиями. Социокультурные коды аристократии и дворянства изменились на двести лет. Петр был царь и модернизацию проводил по-царски: как абсолютный монарх в пределах своего понимания приоритетов страны и институциональных механизмов достижения целей.

Список литературы / References

- Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021) Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. [Auzan A.A., Nikishina E.N. (2021) *Sociocultural Economics: How Culture Influences the Economy, and Economics Influences Culture: A Course of Lectures*. Moscow: Ekonomicheskij fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova. (In Russian).]
- Беспалов А.В. (2022) Россия в Северной войне. Крах шведского великодержавия. 1709-1721. М.: Вече. [Bespalov A.V. (2022) *Russia in the Northern War. The collapse of the Swedish great power. 1709-1721*. Moscow: Veche. (In Russian).]
- Васильев С.А. (2021) Крестьянская реформа в России. *Леонтьевский центр*. <https://leontief-centre.ru/book137>
- Григорьев Л., Морозкина А. (2021) Успешная неустойчивая индустриализация мира, 1880-1913. М.-СПб.: Нестор-История. [Grigoryev L., Morozkina A. (2021) *The successful unsustainable industrialization of the world, 1880-1913*. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russian).]
- Зимин А.А. (1982) Россия времен Ивана Грозного. М.: Наука. [Zimin A.A. (1982) *Russia under Ivan the Terrible*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Ключевский В.О. (1956) Курс Русской истории. Т. 1, М.: Мысль. [Kljuchevskij V.O. (1956) *Russian history course*. Moscow: Mysl. (In Russian).]
- Миронов Б.Н. (2003) Социальная история России периода Империи (XVIII-начало XX в.). Т. I. СПб.: Дмитрий Буланин. [Mironov B.N. (2003) *Social history of Russia in the period of the Empire (XVIII-early XX century)*. Vol. I. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian).]
- Новодворский В. (1904) Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570-1582). СПб.: Типография И.Н. Скороходова. [Novodvorskij V. (1904) *The fight for Livonia*

between Moscow and the Commonwealth (1570-1582). St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorohodova. (In Russian).]

Робинсон Дж. А., Аджемоглу Д. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. [Robinson J.A., Acemoglu D. (2015) *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: AST. (In Russian).]

Сорокин П.А. (2008) Экономист. Избранное. 1921-1922. М.: Издательский дом «Территория будущего». [Sorokin P.A. (2008) *Economist. Selected. 1921-1922*. Moscow: Publishing House "Territorija budushhego". (In Russian).]

Хорошкевич Л.А. (1980) Русское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. М.: Наука. [Horoshkevich L.A. (1980) *The Russian state in the system of international relations of the late XV-early XVI century*. Moscow: Nauka. (In Russian).]

Acemoglu D. (2009) *Introduction to Modern Economic Growth*. New Jersey: Princeton University Press. P. 19.

Britannica (2022) Russian Empire. The reign of Peter the Great. *Britannica*, October 3. <https://www.britannica.com/place/Russian-Empire/The-reign-of-Peter-the-Great>

Eloranta J. (2005) Military Spending Patterns in History. *Economic History Association Encyclopedia*, September 16. <https://eh.net/encyclopedia/military-spending-patterns-in-history/>

Maddison A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: Development Center of the Organization for Economic Cooperation and Development.

Tilly C. (1990) *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Cambridge: Basil Blackwell.